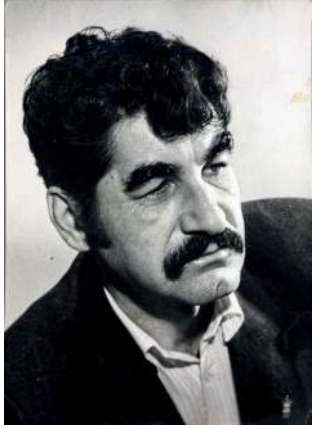


Пётр Ткаченко



Пётр Ткаченко – литературный критик, публицист, член Союза писателей России. Автор книг: «Где спит казацкая слава», «В поисках града Тмутаракани. Невостребованные размышления о русской литературе и жизни», «Не для меня придёт весна», «Возвращение Екатерины», «Слово о Мараварской роте», «Кубанские зори», «Драма грозного царя», «Когда же произойдёт смена вех? (Новая смена вех)», «Кубанские пословицы и поговорки», «Кубанские обряды», «Кубанская свадьба», «Кубанский лад. Традиционная народная культура: вчера, сегодня, завтра», «Кубанские байки. Та брехня, что лучшие правды», «Кубанские песни. С точки зрения поэтической», «Пословица не сломится», «До разгрома и после него». Литературно-критические повести: «Встретимся на том свете, или Возвращение Рябокопя. Ненаписанная повесть. Запоздалые и современные рассказы», «Какую Библию читал М. А. Шолохов», «Щедрый вечер, добрый вечер. Кубанские обряды», «Трагические судьбы русских писателей», «Поиски Тмутаракани. По “мысленному древу”: от “Слова о полку Игореве” до наших дней», «“Никем не званный...” Александр Блок в поисках образа России». Составитель популярных сборников воинских песен, составитель первого словаря кубанского диалекта за всю его историю – «Кубанский говор. Балакачка». Издатель авторского литературно-публицистического альманаха «Солёная Подкова».

«ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ» АННЫ АХМАТОВОЙ

Главы из литературно-критической повести

Все, кто блистал в тринадцатом году, –
Лишь призраки на петербургском льду.

Георгий Иванов

Пушай же всё пройдёт неспешно,
Что в мире свято, что в нём грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

Александр Блок. Возмездие

«Мне голос был. Он звал утешно...»

Есть всё-таки некая устойчивая закономерность в том, кто из классиков русской литературы становится теперь нам особенно близким и необходимым. Видимо, потому что их творчество, их миропонимание каким-то загадочным, неведомым нам образом соотносится с нашей нынешней жизнью, делая их наследие даже злободневным. Кроме того, «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется» (Ф. Тютчев), а «произведение искусства есть существо движущееся, а не покоящийся труп», как отмечал А. Блок в дневнике 1 декабря 1912 года. Литература же является историей духа человеческого и народного, а не только историей тех или иных событий, так или иначе отразившихся в их творчестве. То есть потому и становится тот или иной классик теперь нам особенно близок, что «узоры человеческой жизни расшиваются по вечной канве» (А. Блок), что он своё время воспринимает не иначе, как в общем течении человеческой жизни и народной судьбы. И прежде всего, постигает духовную природу человека, а не только историческую, социальную или какую-то иную.

Почему вдруг возникла необходимость перечитать поэта Анну Андреевну Ахматову (1889–1966)?
Вовсе не вдруг, но именно её. И именно её «Поэму без героя», над которой она работала более двадцати лет, как бы подводя итог своего творческого пути. Хотя, конечно, речь пойдёт не только о поэме. Но

прежде чем обратиться к этой уникальной поэме, совершенно необходимо сказать о положении Анны Ахматовой как поэта в трагическом революционном XX веке. Тем более что, как мне кажется, несмотря на многочисленные исследования её творчества, это прояснено недостаточно внятно.

Главное же состояло в мировоззрении и миропонимании А. Ахматовой, встретившей либеральное революционное крушение страны в феврале 1917 года, когда была свергнута монархия, разрушена государственность, а народ ввергнут в хаос и беззаконие, в зрелом, двадцативосьмилетнем возрасте. И её воззрения не претерпели тех радикальных изменений, каким подверглось подавляющее большинство её современников. Радикальных изменений, как понятно, под воздействием революционной идеологии, начавшейся ещё с революционных демократов XIX века, и тех «экономических доктрин», которые навязывались народу огнём и мечом *вместо* его естественной и природной христианской веры. Такой духовный стоицизм из её современников был свойствен разве только А. Блоку. Но он рано ушёл из жизни (7 августа 1921 года).

Разумеется, творчество А. Ахматовой со временем и с возрастом изменялось, о чём она и сама писала. Разумеется, она не избежала тех духовно-мировоззренческих поветрий, которые были тогда распространены в образованной части общества. Да и кто мог избежать их в «беспамятстве смуты», по её же выражению, и в революционном психозе, в «повальном сумасшествии» (И. Бунин)?..

Но она избежала декадентства, того беспросветного упадничества и нигилизма, которое было свойственно в тех условиях многим, даже большинству её современников. Избежала и литературных школ и направлений, в частности акмеизма, хотя и находилась в кругу приверженцев этого направления. Тем более что Николай Гумилёв, её муж, был его «теоретиком». Но литературные школы никогда не определяли литературу, о чём писал Георгий Адамович, один из самых талантливых критиков русского зарубежья: «Никогда манера письма не была и не будет решающим признаком для оценки чьего-нибудь творчества. Пора на этот счёт перестать обольщаться... Манера сама по себе ничего не значит. Уцелело во времени только то, что оживлено и согрето изнутри личным огнём, иногда в согласии с господствующими в данные годы теориями, иногда вопреки им» (Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996). А. Блок посвятил акмеизму целую статью «Без божества, без вдохновенья», в которой писал, что «всё большее дробление на школы и направления, всё большая специализация – признаки такого неблагополучия». Но А. Ахматова, несмотря ни на что, оставалась верной русской литературной традиции. Именно на этом основании он сближал её с А. Блоком: «Эфемерных знаменитостей везде и всегда бывает много. Удивительнее и показательнее то, что Ахматовой с её такими на первый взгляд “дореволюционными”, такими “старорежимными” стихами удалось в нашей литературе удержаться».

Отдавая должное дарованию акмеистов, А. Блок вместе с тем писал, что они «топят самих себя в холодном болоте бездушных теорий и всяческого формализма... они замалчивают самое главное, единственно ценное, душу... хотят быть знатными иностранцами». В этой статье об акмеистах он отмечал: «Вообще Н. Гумилёв, как говорится, “спрыгнул с печки”: он принял Москву и Петербург за Париж». А по свидетельству К. Чуковского, говорил Н. Гумилёву: «То, что вы говорите, для меня не русское. Это можно очень хорошо сказать по-французски. Вы – слишком литератор, и притом французский» (Александр Блок, как человек и поэт. П., 1924). Даже М. Горький так отзывался о Н. Гумилёве: «Жаль только – не русский он писатель. Настоящий француз в манжетах». Всё это к тому, какая мировоззренческая атмосфера преобладала среди акмеистов, и вообще в творческой среде, в которой находилась А. Ахматова.

Но примечательно то, что из этой писательской среды А. Блок изначально и решительно выделял А. Ахматову. В дневнике 7 ноября 1911 года отмечал: «А. Ахматова (читала стихи, уже волнует меня: стихи чем дальше, тем лучше)». А в упомянутой статье «Без божества, без вдохновенья» отзывался о ней вполне определённо: «Настоящим исключением среди них была одна Анна Ахматова».



А. А. Ахматова. Петроград, 1921 г.

Именно этот духовный стоицизм Анны Ахматовой, то, что она осталась верной русской литературной традиции, позволил ей, как увидим далее, на всех крутых поворотах трагического XX века быть довольно точной в понимании сути происходящего, и прежде всего – его духовной основы, так как все грандиозные потрясения в истории имеют именно духовную природу. Иные же причины, скажем, социальные, являются лишь сопутствующими, а точнее – следствием духовного состояния человека, которое в конечном счёте и вызывает те или иные исторические события.

Ведь истинный поэт не просто «изображает действительность», как утверждают критики позитивистского толка, но так или иначе, несмотря на предшествующий опыт, отвечает на главные вопросы бытия: как устроен этот мир, что есть человек в нём, какова природа человека, что происходит ныне. И отвечают не декларативно, а образно. И толкует происходящее не с точки зрения тех или иных господствующих идеологических догматов, но с точки зрения духовной природы человека. А на такие вопросы обязано отвечать каждое поколение. Если же по каким-то причинам оно на них не отвечает, тогда происходит трагедия *вырождения* человека, известная изначально, изложенная уже в книге Бытия Ветхого Завета, когда «всякая плоть извратила путь свой на земле...».

Примечательно то, как откликнулась Анна Ахматова на революционное крушение страны 1917 года. Сразу скажем, в отличие от большинства поэтов, её современников. Есть у неё стихотворение «Когда в тоске самоубийства...», которое имеет довольно странную историю его публикации. А потому привожу его в авторском виде, в каком его создала А. Ахматова:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Когда приневская столица,
Забыв величие своё,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берёт её, –

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух.
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Можно встретить утверждение, что стихотворение это существует в двух вариантах. На самом деле никаких «вариантов» этого стихотворения не существует. Так как это дело не авторское, а публикаторское и издательское. Впервые опубликованное в эсэровской газете, оно вышло *без последней строфы*. В последующем оно публиковалось *без двух первых строф* и начиналось строчкой «Мне голос был. Он звал утешно...». К примеру, в массовом издании Анны Ахматовой «Избранное» (М.: Художественная литература, 1974). И ясно, почему столь настойчиво в публикациях этого стихотворения опускались первые строфы. Ведь в них А. Ахматова говорит о том, *что* именно произошло в России. И говорит не с точки зрения идеологической, но духовной. А это не только не вписывалось в то, как понимал происшедшее новый правящий класс и в каком виде оно преобладало в общественном сознании, но радикально противоречило ему.

Собственно, это и определило дальнейшую писательскую и человеческую судьбу Анны Ахматовой. И не только в связи с этим стихотворением. Андрей Платонов, уже позже, откликаясь на её сборник «Из шести книг» (М.: Советский писатель, 1940), писал, что «голос этого поэта долго не был слышен, хотя поэт не прерывал своей деятельности: в сборнике помещены стихи, подписанные последними годами. Мы не знаем причины такого обстоятельства...». Но вместе с тем отвечал на вопрос о причинах этого «обстоятельства»: «Необходимо прежде всего преодолеть заблуждение. Некоторые наши современники – литераторы и читатели – считают, что Ахматова несовременна, что она архаична по тематике, что она слишком примитивна и прочее – и что поэтому, стало быть, её значение как поэта невелико, что она не может иметь значения для революционных, советских поколений новых людей...» («День поэзии», 1966).

Итак, Анна Ахматова в этом стихотворении говорила о том, *что* именно произошло в России. А также – о причинах происшедшего. А причины эти оказались извечными, сопровождающими человечество во всю его историю: утрата веры, отказ человека от своей духовной природы, отпадение от Бога: «И дух суровый византийства / От русской церкви отлетал». Утрата же веры неизбежно приводит к «тоске самоубийства». Об этом говорится уже на первых страницах истории человечества, в Книге Бытия. Каин добровольно отпадает от Бога, отказывается от своей духовной сущности. Человечество разделяется на две цивилизации: *каинскую* – без Бога и на *сифскую* – цивилизацию сынов Божиих. Иной организации общества, иной «архитектуры» изначально и до сего дня человечество не знает. Разумеется, изменяя внешние её формы и мотивации порой до неузнаваемости. Ведь человек является существом не только природным и социальным, но и духовным. Духовная же его природа проявляется и реализуется только через веру. Отнимите у него Бога, он поверит во что угодно, с такой же искренностью и неистовостью. Но без веры он жить не может.

Утрата же веры, отпадение от Бога неизбежно приводит к тому, что «приневаская столица», любимый город, Петербург, «забыв величие своё», превращается в *блудницу*: «Как опьяневшая блудница, / Не знала, кто берёт её». Здесь А. Ахматова уподобляет свой город Вавилону «Откровения святого Иоанна Богослова»: «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу... ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы» (18: 2).

Но Вавилон – город уже не конкретно-исторический, а символический, образный, духовный, сопровождающий человеческое общество во все времена: «Вавилон имеет значение собирательное, есть понятие не столько географическое и политическое, сколько морально-мистическое». А потому не следует видеть событие, однажды в нём происшедшее, «как единократное и индивидуально-историческое, – напротив, типологическое, повторяющееся с разной силой и в разных образах – в разные эпохи» (Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна. М.: Православное Братство трезвости «Отрада и утешение», 1991).

Но прежде чем обратиться к природе *блудницы*, к её «биографии», надо сказать о том, что мы привыкли объяснять мир и человеческое устройство на земле лишь историей, понимаемой как чередование событий, или категориями социальными. Но человек «не материальная скотина» (Н. Гоголь). Он существо, как уже сказано, прежде всего, духовное, выделенное душой и разумом из природы по образу и подобию Божию. Основным содержанием его бытия является стремление остаться на той духовной высоте, на которую он вознесён. Всё остальное в его земной жизни зависит от этого. Люди духовного звания называют это бранью духовной. Кстати, в Книге Бытия говорится о том, что человек стал душою живою. Но ничего не говорится о его разуме. Наоборот, Господь, не полагаясь на разум человека, подробно рассказал Ною, как именно надо строить Ковчег для его спасения. Но это – уже отдельная тема.

Постичь же человеческое бытие в полной мере можно только помня о духовной природе человека. Во всяком случае, игнорируя её, это сделать невозможно. Скажу словами выдающегося историка нашей эпохи И. Я. Фроянова (1937–2020): «Объяснение событий лежит в духовной сфере». А значит, «история не есть лишь хронология, отсчитывающая чередование событий, она есть жизненный опыт, опыт добра и зла» (Сергей Булгаков). Почему человеческое сообщество периодически сотрясают социальные катастрофы, революция и войны? Что является их первопричиной? Объяснить это только «экономическими доктринами», тем, что «верхи» не могут, а «низы» не хотят, невозможно. Невозможно объяснить это и имущественным неравенством людей, ибо равенство их в принципе невозможно. Это всегда понимали светлые умы. К примеру, талантливый критик Валериан Майков (1823–1847), проживший всего двадцать четыре года: «Ни безусловное разделение имуществ, ни распределение богатств по способностям к труду нимало не подвигают общества на путь к благосостоянию, а ещё напротив того, представляют перспективу таких бедствий, которые превосходят сумму зол, рождаемых неравенством» (Сочинения В. А. Майкова в двух томах. Киев, 1901. Т. 2).

Человеческое сообщество периодически сотрясают катастрофы главным образом потому, что происходит нечто с самим человеком. Наиболее чуткие люди, истинные поэты понимали, что первопричина кроется в самом человеке, что и предопределяет ход событий, что внешние обстоятельства уже только вовлекают наиболее слабых и безвольных людей в соблазнительные социальные движения. Определяли они это в самых общих чертах, как, скажем, А. Блок, называя это «музыкой», не в буквальном смысле, а как некая духовная субстанция, стихия, в которой пребывает человек.

В дневнике 1913 года он отмечал: «Мораль мира бездонна и не похожа на ту, которую так называют. Мир движется музыкой, страстью, пристрастием, силой».

Почему человека периодически охватывает тревога и тоска («тоска самоубийства», как у А. Ахматовой), которая выбивает его из привычного, нормального состояния? Как в стихах А. Блока:

Когда осилила тревога, / И он в тоске обезумел,
Он разучился славить Бога / И песни грешников запел.

Анна Ахматова, как истинный поэт, тоже исчисляла время не по календарю, а по тем процессам духовного порядка, которые происходили в обществе. Так, XX век, по её представлению, начался с 1913 года. Попутно отметим, что и наш XXI век начался тоже не по календарю, а раньше – с 1991–1993 годов. Этим как раз и доказывается, что жизнь человеческая и народная свершается по неким духовным путям, не укладывающимся всецело в какие бы то ни было социальные теории. Это и постигают, прежде всего, поэты, хранители гармонии, ибо призваны постигать не внешний, а внутренний порядок мира. Впрочем, как и – нарушение этого внутреннего порядка мира...

«За то, что я верна осталась печальной родине моей...»

Есть у Анны Ахматовой стихотворение, написанное в 1922 году, удивительного гражданского и патриотического накала, «Не с теми я, кто бросил землю...». Стихотворение, созданное в трагический период истории России, когда обнажился весь ужас революционного крушения страны, всего предшествующего уклада жизни. Вместе с тем – в трудный и мучительный период её жизни и писательской судьбы, когда надо было твёрдо и решительно определяться: как теперь быть.

По своему гражданскому пафосу это редкое стихотворение в русской литературе. Редкое потому, что в нашей литературе как-то так повелось издавна, а в особенности с революционных демократов XIX века, что гражданственностью в литературе стали почитаться почти исключительно бунт и протест, а не любовь к Родине, родному краю, родному городу... Когда гражданственностью и патриотизмом стало считаться всякое, говоря словами А. Пушкина, «сатирическое воззвание к возмущению», а каждое «очень посредственное произведение, не говоря уже о варварском слог», выдавалось повсеместно чуть ли за некое откровение. Когда ещё в самом начале смуты декадентствующие поэты в отчаянии и с какой-то поразительной безответственностью вещали: «Довольно, не жди, не надейся – / Рассейся мой бедный народ... / Исчезни в пространство, / исчезни Россия, Россия моя!» (А. Белый. Отчаянье, 1908). Это ведь тоже блуд, блуд интеллектуальный, так сказать, поэтический...

После Февральской революции для А. Ахматовой всё осложнялось ещё и тем, его её муж, поэт Николай Гумилёв, оказался во Франции, в составе Русского Экспедиционного корпуса, который царское правительство направило в 1916 году воевать за Францию в обмен на поставки оружия. В переписке он предлагал ей с сыном приехать к нему в Париж. После трудной и мучительной внутренней борьбы она отказалась, так как не мыслила себя вне России. Остатки этого корпуса с невероятными трудностями вернулись в революционную Россию в 1920 году, понятно, никем не замеченные, униженные и оскорблённые.

А к 1922 году почти все, кто считал возможным покинуть Россию, были уже в эмиграции. Отмечаем это вовсе не в осуждение их, ибо не дай бог никому оказаться в таком революционном хаосе и в «беспамятстве смуты». Мы говорим не о них, а о поэте Анне Ахматовой, о том, как она считала возможным и необходимым поступать. Тем более что нам довелось пережить второе в одном веке крушение страны начала девяностых годов со всеми его миазмами и человеческими жертвами, кардинальным образом изменившего жизнь страны и каждого человека.

Как уже увидели, Анна Ахматова понимала не только историческое и социальное, но и духовное значение происшедшей в стране государственной катастрофы и народной трагедии, о чём она писала в стихотворении 1920 года «Петроград. 1919»:

И мы забыли навсегда, / Заключены в столице дикой,
Озёра, степи, города / И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь / Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь / За то, что мы остались дома,

За то, что, город свой любя, / А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя / Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора, / Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра / Невольным памятником будет.

В стихотворении же 1922 года был уже некоторый вызов тем, кто не устоял в смуте, так как в нём уже намечались пути выхода из этой смуты. Именно выход, а не невозможный возврат к прежней жизни, какой был в подавляющем большинстве эмигрантов:

Не с теми я, кто бросил землю / На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю, / Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник, / Как заключённый, как больной.
Темна твоя дорога, странник, / Пыльню пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара, / Остаток юности губя,
Мы ни единого удара / Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней / Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслёзней, / Надменнее и проще нас.

И уже не столь важно, кому именно она посвящала стихи, с кем именно связано их появление. С Николаем Гумилёвым ли, как в этих строках 1917 года:

Всё ветер западный приносит / Твои упрёки и твои мольбы.
... Но разве я к тебе вернуться смею? / Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею, / А ты меня и вспоминать не смей.

Или же с художником Борисом Анрепом, которого она, кажется, по-настоящему любила. Исследователи полагают, что это стихотворение связано именно с ним, хотя в нём нет посвящения. Даже гневное стихотворение, написанное в июле 1917 года в Слепнёве:

Ты – отступник: за остров зелёный / Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы, / И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец, / Коль ещё не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц / И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй, и чванься, / Православную душу губи,
В королевской столице останься / И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь / Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь, / И в смертельном бою невредим.

Да, не страшны ни море, ни битвы / Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы / Попросил ты тебя поминать.

После Февральской революции Борис Анреп, будучи убеждённым западником, покинул Россию навсегда. Уехал в Англию, потому что любил «покойную английскую цивилизацию разума, а не религиозный и политический бред». Впрочем, как и Артур Лурье, муж «легендарной» Олечки Судейкиной, героини «Поэмы без героя», будучи комиссаром музотдела Наркомпросса, в 1922 году бежал за границу (Александр Недошивин. «Шестое окно» Ахматовой // Литературная газета. 2002. № 24).

А. Ахматова ведь писала не биографии близких ей людей, но постигала их духовное состояние. Так же, как общества и народа в целом. Филологическая же наука не должна и не обязана считать конечной своей целью установление прототипов. На это есть другие сферы исследований. А потому, действительно, не столь важно, к кому она обращалась в стихах 1921 года:

Нам встречи нет. Мы в разных странах, / Туда ль зовёшь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах, / Принявши ангельский венец?

И ни молящие улыбки, / Ни клятвы дикие твои,
Ни призрак млеющий и зыбкий / Моей счастливейшей любви
Не обольстят...

Этот диалог её с «отступниками» не отпускал её потом всю жизнь. Как в этих стихах уже годы и годы спустя, стихах из «чёрных песен» 1961 года:

Слова, чтоб тебя оскорбить...

И. Анненский

I

Прав, что не взял меня с собой / И не назвал своей подругой,
Я стала песней и судьбой, / Ночной бессонницей и вьюгой.
Меня бы не узнали вы / На пригородном полустанке
В той молодящейся, увы, / И деловитой парижанке.

II

Всем обещаньям вопреки / И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне... / Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь / Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж, / Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж, / Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог: / Пускай позор, пускай острог...

Я без него могла.

Это был диалог уже не с «теньями», а с самой собой, со своей совестью: «Одни глядятся в ласковые взоры, / Другие пьют до солнечных лучей, / А я всю ночь веду переговоры / С неукротимой совестью своей».

Вроде бы только любовные истории, каких у неё, как у человека страстного, было немало, побуждали её к таким стихам. Но за этим всегда стояло главное, не только её собственная судьба, но и судьба страны и народа. Как в стихах 1917 года:

Ты говоришь – моя страна грешна, / А я скажу – твоя страна безбожна.
Пускай на нас ещё лежит вина, – / Всё искупить и всё поправить можно.

Так и гораздо позже, в стихах 1958 года:

Ты напрасно мне под ноги мечешь / И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь / Песнопения светлую страсть.

Что ж, прощай. Я живу не в пустыне. / Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни, / В остальном я сама разберусь.

А. Ахматова, может быть, как мало кто из поэтов XX века, подтвердила мысль А. Блока о том, что несовременного искусства не бывает. Г. Адамович писал, «но связана она с той Россией, которая “была”, а не есть. Новая Россия её не прочтёт и поймёт, во всяком случае по-другому, чем читатели сверстники. Им-то, современникам, всё кажется безвозвратно далёким, им не всегда легко понять и принять, что с революцией не всё оборвалось. Как сказал поэт, им порой чудится, что

Все, кто блистал в тринадцатом году,
Лишь призраки на петербургском льду.

Приводя эти строки Георгия Иванова, Г. Адамович вступал в полемику с Анной Ахматовой, по сути, отрицая всё то, что она переживала, чем так долго мучилась в «Поэме без героя». Всё это, видите ли, им только «чудилось». Отрицал то, что все потрясения в истории человеческой цивилизации происходили главным образом от *вырождения* человека, а не по каким-то социальным причинам, что эти причины были уже следствием этого несчастья падения человека...

Озабоченный в большей мере проблемами эмиграции, чем судьбой народа и страны, Г. Адамович ошибся. Анну Ахматову читали и читают. Видимо, потому что она «умела говорить на языке тех культурных поколений, с которыми время сводило её на протяжении долгой жизни» (Лидия Гинсбург. День поэзии, 1977). Она имела полное право сказать о себе: «Я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны» (1965). Заметим – «ритмами», а не «проблемами» и не «задачами», ибо истинный поэт во все времена служит не внешнему, а внутреннему порядку мира...

Можно уверенно сказать, что на всех поворотах истории XX века, свидетельницей и участницей которых была Анна Ахматова, она оказывалась на такой высоте понимания происходящего в судьбах народа и страны, какой достигали совсем немногие её современники.

В своё время А. Ахматова обижалась на эмигрантскую критику: «Они хотят запихнуть меня в десятилетия. А у меня есть “Реквием”, у меня есть “Поэма”. Я никогда не переставала писать стихи» (Литературная газета. 1989. № 1). Почему эмигрантская критика в большинстве своём поступала так, понятно. Потому что в большей мере была занята не судьбой России и её народов в трагический период истории, а проблемами самой эмиграции.

Но удивительно, что и сегодня наша критика, даже филологическая наука, занята, по сути, тем же. То есть настойчивым возвращением её в десятилетия, вычлняя из её наследия только этот период «беспамятства смуты», период «блудницы». Разве не для того, чтобы внести его в современную жизнь? Вольно или невольно – это уже не столь важно. Настойчивое её возвращение в тот период, от которого она сама отрещивалась («Как будто перекрестилась, / И под тёмные своды схожу»), который радикально пересматривала, выявляя его истинный смысл и значение, что и явилось её главной темой «Поэмы без героя».

Между тем как таким переосмыслением десятых годов, того образа жизни, в котором она тогда пребывала, А. Ахматова выражала духовное и нравственное состояние народа в его временном развитии. Как во многих стихах, так и прежде всего в «Поэме без героя».

Такой попыткой вернуть А. Ахматову в десятилетия, отсекая всё её последующее творчество, является, к примеру, публикация доктора филологических наук Адиле Эмировой «Вселенная ритмов» (Литературная газета. 2015. № 51–52). И никакая терминологическая оснастка типа «герменевтики», на связи читателя с текстом, «ассоциаций», «рецепции», «редукции», «рефлексии и медитации» не может заслонить указанной направленности публикации. Это видно уже по перечню «любимых стихов» филолога: «Тебе покорной? Ты сошёл с ума!..», «Мне ни к чему одические рати...», «Долгим взглядом твоим истомлённая...», «Это просто, это ясно...», «Разрыв», «Ржавеет золото и истлевет сталь...», «Что войны? Что чума? Конец им виден скорый». В основном как раз те стихотворения, в которых А. Ахматова выражала то неблагополучие своего времени, которое она потом преодолевала и которое, как оказалось, имело трагические последствия для народа и страны, да и для каждого человека: «Я пью за разорённый дом, за злую жизнь мою...», «Мне молиться и за тебя? / Для чего же, бросив друга / И кудрявого ребёнка...». С такой женщиной А. Ахматова и сама не хотела бы встретиться, о чём писала в «Поэме без героя», «С той, какую была когда-то / ...Снова встретиться не хочу». Но именно с «той» женщиной предлагается сегодня встретиться читателям, а не с той, умудрённой, какой она стала позже. На это можно сказать разве что словами В. Ходасевича: «Люблю Ахматову, а поклонников её не люблю».

В стихах 1911–1913 годов А. Ахматова изображает, конечно же, блудницу, в чём она и сама признавалась. Но величие её в том и состояло, что она, в отличие от многих и многих своих современников, которые ностальгировали по «тем» временам, когда всё было «можно», это вполне осознавала, этим мучилась, это преодолевала. А как же иначе, если «Поэму без героя» она писала более двадцати лет, а подходила к ней задолго до неё во многих стихотворениях...

Станислав Куняев описал примечательный случай о встрече, как видно, уже с потомками первой волны эмиграции: «Однажды в одном из австралийских университетов, в среде русских преподавателей и студентов я прочитал вслух знаменитое стихотворение Ахматовой “Не с теми я, кто бросил землю на растерзание врагам...”», думая, что стихи взволнуют моих слушателей и введут разговор в сложное многогранное русло. Но вдруг одна из женщин яростно бросила мне в лицо обвинение Анне Ахматовой в том, что она чуть ли не большевичка и прислужница режима, предательница России. Ахматовой, которая писала о своей судьбе: “Муж в могиле, сын в тюрьме – помолитесь обо

мне”! Она осудила Ахматову только потому, что Анна Андреевна в начале двадцатых годов сделала как русская женщина свой патриотический выбор:

Но вечно жалок мне изгнанник, / Как осуждённый, как больной,
Темна твоя дорога, странник, / Польшью пахнет хлеб чужой.

Я изумился и буквально потерял дар речи. Вот она, фанатичная обоюдоострая нетерпимость, её застарелое эхо! Мы были уверены в том, что все, кто эмигрировал, – предатели России. Они – в том, что предатели все, кто остался... Было это уже в 1991 году. Вот какие страсти ещё недавно бушевали в эмигрантских русских душах» (Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 2. М.: Наш современник, 2005). Но как видно по последующим событиям, страсти эти не отбушевали и не могут отбушевать, коль в среде граждан России появилась новая, очередная волна «эмигрантов», именно тогда, когда России объявлена война на наше народное и государственное уничтожение... Эти страсти, как видим, возобновляются и воспроизводятся. Как и во веки веков, как и всегда, ибо дело вовсе не в прописке и не в принадлежности к «эмиграции», так как эмигрантом «можно» быть и в своей стране, желая ей поражения. Не «режиму», а именно стране, своей Родине. Всё дело в тех духовно-мировоззренческих ценностях, которые люди исповедуют, вне зависимости от того, где они волею судьбы и истории оказались...

Поэт Владимир Корнилов писал же об этой исповеди А. Ахматовой: «Вот они, главные стихи, в которых Ахматова объясняет, почему она не покинула Родину... Мощь этих стихов, разумеется, учетверена историей. Но, возможно, они сегодня звучат так засушно именно потому, что в своё время были так современны» (Советская Россия. 1989. № 144). И потом, совершенно очевидно, что идеология первой волны эмиграции была выстроена не на трудах самых талантливых и одарённых её представителей. А наоборот, самых посредственных, маргинальных, но соответствовавших определённым идеологическим догматам. Конечно, энтузиасты издадут потом, к примеру, стихи Николая Туроверова, в которых прежде всего – сострадание к несчастным пилигримам: «Своих страданий пилигримы, скитальцы не своей вины». Но это произойдёт гораздо позже публикаций трудов и мемуаров всех персонажей эмиграции, как правило, тенденциозных.

Что теперь мы можем и что смеем? / Полюбив спокойную страну,
Незаметно медленно стареем / В европейском ласковом плену.

...И почему мне нет иного / Пути среди множества путей,
И нет на свете лучше слова, / Чем имя родины моей?

Или – в стихотворении Николая Келина «Родине»:

Страшась, тянусь я издалёка / И, ненавидя, я люблю,
Но тенью резкого упрёка / Не брошу в Родину мою.
...Россия... Слова нет дороже / Для нас, оторванных от ней,
Тяжёл наш путь среди бездорожий, / Без сил, надежд и без огней.

Но ведь идеология эмиграции в своём абсолютном преобладании была совсем иной, даже прямо противоположной. Вплоть до неслыханной гордыни и эгоизма на фоне такого страшного революционного крушения страны: «Мы унесли с собой Россию». То есть настоящая Россия теперь там – на Западе, в зарубежье, а не здесь, где она испокон веку пребывала. Отсюда: «Привет из старой России...» (В. Лихоносов), то есть из эмиграции, откуда якобы единственно и должно прийти спасение. И это проповедовал писатель, отец которого погиб в Великую Отечественную войну, которого он, судя по его писаниям, не особенно и помнил...

В подтверждение этого приведу один литературно-исторический факт, поразительный по своему смыслу и значению. У Г. Адамовича есть статья «Вклад русской эмиграции в мировую культуру». Не в российскую, а прямо-таки – в мировую. В ней он обращается к издателю и в прошлом политическому деятелю В. В. Вырубову с изложением своих соображений «о неотложной необходимости составления и издания книги-памятника русской эмиграции», «Золотой книги русской эмиграции»: «Такая книга – наш общий долг, – писал он, – должна стать “нашим оправданием”». И убеждал из-

дателя в том, почему такая книга является неотложной необходимостью: «Рано или поздно новые русские поколения спросят *себя*: что они делали там, на чужой земле, эти люди, покинувшие после революции родину и отказавшиеся вернуться домой...» Почему новые поколения должны спросить об этом *себя*, а не *их* – это чрезвычайно характерная оговорка или описка. Хотя Г. Адамович, как человек образованный и разумный, оговаривался: «Не будем, однако, поддаваться нелепому, хоть, увы, довольно распространённому эмигрантскому ослеплению, не будем утверждать, что там, в России, со времени революции ничего ценного создано не было и что, не будь нас, страну нашу можно было бы без урона для человечества списать со счетов цивилизации...» Но в том-то и дело, что такое «ослепление» в эмигрантской среде было определяющим.

Был создан специальный комитет для подготовки такой «Золотой книги русской эмиграции», разосланы обращения ко всем желающим принять участие в издании. Статья Г. Адамовича вышла брошюрой в Париже в 1961 году. Но книги русской эмиграции, оправдывающей её, так и не получилось. Такой логически, вроде бы замечательный замысел осуществлён не был... И помешали этому не какие-то бытовые причины, но сущностные, то, что большинству людей, оказавшихся в изгнании, проблемы эмиграции заслонили трагедию России и её истинный смысл. Г. Адамович писал, что если такой замысел не удастся, «то было бы это для эмиграции несчастьем, значение которого по настоящему окажется учтено и понято лишь в будущем». Не книги не получилось, а не получилось *оправдания*...

Пишу это опять-таки вовсе не в осуждение эмиграции. Весь вопрос состоит в точном определении её исторического значения, не приписывая ей не свойственного и невозможного. Ей можно было страдать и сочувствовать, но не выставлять же в качестве эталона патриотизма, как это произошло в значительной мере в литературной среде. Все и не могли, и не должны были поступить так, как Анна Ахматова, – остаться в России. Это было невозможно, так как не каждому человеку была доступна такая сила духа.

Но и не замечать этой духовной высоты или умалять её было несправедливо, ибо это приводило неизбежно к продолжению трагедии. Разумеется, в иных формах. Когда началось очередное либерально-криминальное разрушение России (Советского Союза), провозглашаемое как её «возрождение», решили «подвести черту» в трагедии страны XX века, которая свелась к «воссоединению культурного наследия русских» (Русское зарубежье. М.: Роман-газета, 1993). Внешне это было привлекательно и красиво, но оборачивалось своей противоположностью, так как свелось, по сути, к возвращению и насаждению эмигрантской идеологии, как якобы спасительной, когда уже сама принадлежность к «зарубежью» становилась как бы знаком качества, вне зависимости от текстов. Словом, вышла всё та же, но уже в более коварной форме губительная идеология *западничества*, в литературе обстоятельно изученная. Разумеется, под патриотическими декларациями. Такое «воссоединение» невозможно, так как мир изначально устроен иначе. Каин и Авель никогда не могут оказаться в братских объятиях. Так уж устроен мир. Кто же пытается «соединить» их в братстве, так или иначе, вольно или невольно, но неизбежно становятся на путь оправдания Каина...

И такой конформизм, то есть отсутствие собственной позиции, беспринципное следование любому образцу, обладающему большей силой, обернулся тем, о чём с вполне естественной полемичностью писал один из талантливых поэтов второй половины миновавшего XX века Юрий Беличенко:

На Лубянке не стреляют, / на Литейной – тишина.
Эмиграция гуляет / как неверная жена.

Всё забылось, всё простилось, / всё отмылось добела,
и в заслугу превратилось, / что со многими спала...

К сожалению, не только в среде либеральствующих литераторов, но и в среде вроде бы патриотически настроенных, а значит, и в общественном сознании так и не произошло осмысления драмы России в XX веке. Вплоть до нового крушения страны начала девяностых годов. Был навязан догмат о том, что это «большевики» разрушили страну и ввергли её в хаос и беззаконие. Этот догмат охранялся особенно ревностно, да и сейчас охраняется. А потому поэт, мой ровесник, доживший до седин, с искренней наивностью пишет о стихотворении А. Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю...»: «Вот скажите, о каких “врагах” говорится хотя бы в этом ахматовском стихотворении» (Евгений

Артюхов. Мой поэтический календарь. Кн. 2. М.: Культура, 2022). Но в стихотворении А. Ахматовой говорится о тех врагах (без кавычек), кто сверг монархию и устроил «глухой чад пожара» в *феврале* 1917 года. В феврале, а не в октябре. Казалось, что за целый век после событий можно было уже разобраться в их истинном смысле и значении...

Насколько этот догмат охранялся, свидетельствует то, что, когда уже в конце девяностых годов выдающийся историк И. Я. Фроянов посмел честно и обстоятельно изложить то, что происходило в феврале, а что в октябре в книге «Октябрь семнадцатого» – либеральной жандармерией ему была устроена неслыханная обструкция с самыми жёсткими оргвыводами...

Ведь когда А. Ахматова писала о том, что «попынью пахнет хлеб чужой», она имела в виду хлеб не в буквальном смысле слова, но «хлеб жизни», хлеб веры: «Я есмь хлеб жизни... Хлеб же сходящий с небес таков, что ядущий его не умрет» (Евангелие от Иоанна, 6: 48, 50).

Более поздние толкователи Анны Ахматовой, и особенно во время новой смуты начала девяностых годов, настойчиво пытались свести всё её наследие к политическому протесту, коль она являлась автором трагической поэмы «Реквием». Она имела полное право, как биографическое, так и социально-историческое, сказать: «Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был». Но писала она прежде всего об извечной участи поэта. Тем более у нас, в России. И уж тем более в такое трагическое время:

Зачем вы отравили воду / И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу / Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась / Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась / Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи / Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи, / Нам со свечой идти и выть.

«Уже судимая не по земным законам...»

Первые наброски «Поэмы без героя» Анны Ахматовой относятся к осени 1940 года, о чём она писала в «Вместо предисловия» к ней: «Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 года, прислав как вестника ещё осенью один небольшой отрывок. Я не звала её. Я даже не ждала её в тот холодный и тёмный день моей последней ленинградской зимы».

Сюжет поэмы таков. В новогодний вечер в Фонтанный Дом автора вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых, в масках и шутовских нарядах. Приходит «адская арлекинада тринадцатого года». Те её покойные современники, с кем она общалась, литераторствовала, буйствовала и, по обыкновению того времени, блудила, о чём сама признавалась в стихах. В поэтическом кабаре «Бродячая собака», на «Башне» Вяч. Иванова и везде. Вроде бы возвращалось то, «с чем давно простилась» она. Нет, теперь они приходят не на тот же сатанинский бал, но на суд автора. И судит она их сурово. Впрочем, как и саму себя.

«Из года сорокового» она смотрит на былое, «как будто перекрестилась». Это ведь уже «Крещенский вечер». Наступает такая ночь, когда «надо платить по счёту» за всё, что было тогда. Потому что «всё равно приходит расплата». Но теперь уже – «Господняя сила с нами». И главное – причину всех происшедших с тех пор трагедий в России и в мире, в том числе и начинающуюся Великую войну, она видит в 1910-х годах. Это вроде бы неожиданное для неё самой открывшееся обстоятельство и побудило её к «Поэме без героя». Ведь нравственное разложение образованного слоя общества, тех, кто должен и обязан духовно окормлять людей, приводит к разложению народа, при котором катастрофа страны становится неизбежной.

Она их уже не ждала, не хотела их видеть, полагая, что они, «одержимые бесом» сгнули уже навсегда:

Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки!
Но меня не забыли вы...

Да ей и самой уже не хотелось быть прежней, такой, какой она была вместе с ними в тринадцатом году:

С той, какую была когда-то
В ожерелье чёрных агатов
До долины Иосафата,
Снова встретиться не хочу.

То есть не хотела оставаться грешницей до Судного дня, до долины Иосафата, до предполагаемого места Страшного Суда... Она их не ждала, жестоко, уничтожающе осуждая их. Но они, эти тени, снова являются к ней из небытия, с того света:

Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит.

Они явились потому, что такие тени, такая тёмная сила по самой природе человеческого бытия не уничтожается раз и навсегда. Она обладает свойством возвращаться помимо воли людей. А потому каждый человек, приходящий в этот мир, каждое поколение людей с ней неизбежно сталкивается. Преодолевая её в брани духовной или же падая под её бременем, сдаётся ей.

И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
И замаливать давний грех?

Пришли те, кого не ждали. А кого ждали? Ждали героя. Но он не появился, так как не мог проникнуть в тот зал, где правится сатанинский бал: «Человек, что не появился / И проникнуть в тот зал не мог». Герой, «гость из будущего» лишь предполагается в «грядущем веке»:

И тогда из грядущего века / Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза, / Чтобы он отлетающей тени
Дал охапку мокрой сирени / В час, как эта минет гроза.

Потому поэма и *без героя*? То идеальное представление о герое, как в стихотворении А. Пушкина «Герой», ушло из жизни: «Оставь герою сердце. Что же он будет без него? – Тиран». А в надвигающейся, а потом и разразившейся смуте он и вовсе потерялся, что чувствовали наиболее пронизательные люди, поэты: «Герой уж не разит свободно. Его рука в руке народной» (А. Блок, «Возмездие»); «Для нас условен стал герой, Мы любим тех, кто в чёрных масках» (С. Есенин). Хотя необходимость героя в обществе всегда чувствовалась, как, к примеру, в стихотворении Я. Полонского «Неизвестность» (1865): «Кто этот гений, что заставит / Очнуться нас от тяжких снов... / Придёт ли он как утешитель / Иль как могучий, грозный мститель». Ну и в классическом, поразительном по своему пророчеству стихотворении шестнадцатилетнего М. Лермонтова «Предсказание» («Настанет год, России чёрный год, / Когда царей корона упадёт») 1830 года. О том, что неизбежно бывает, «когда царей корона упадёт»: «смерть и кровь», беззаконие («Когда детей, когда невинных жён / Низвергнутый не защитит закон»). Тогда и появляется неизбежно герой. И вовсе не таким, каким он представлялся: «В тот день явится мощный человек, / И ты его узнаешь и поймёшь, / Зачем в его руке булатный нож: / И горе для тебя! – Твой плач, твой стон / Ему тогда покажется смешон». Такова общая закономерность выхода из смуты, расплата за неё, возмездие... На это можно негодовать, такого героя можно проклинать, да только ничего изменить невозможно... Здесь же, в «Поэме без героя», то ли героя действительно нет, то ли он остаётся неразличимым... Напоминаю же об этом потому, что в основе «Поэмы» лежит именно эта закономерность.

Кстати сказать, не только Анна Ахматова почувствовала необходимость переоценки предреволюционной эпохи, своей молодости, когда, как оказалось, сеялся ветер разрушения. Георгий Иванов ещё в 1922 году писал:

Январский день. На берегу Невы / Несётся ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы, / Ахматова, Паллада, Соломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году – / Лишь призраки на петербургском льду.
Вновь соловьи засвищут в тополях, / И на закате, в Павловске иль Царском,
Пройдёт другая дама в соболях, / Другой влюблённый в ментике гусарском...
Но Всеволода Князева они / Не вспомнят в дорогой ему тени.

Здесь уже появляются персонажи «Поэмы без героя» – Олечка Судейкина, «блиставшая» в тринадцатом году, и Всеволод Князев – гусар и поэт, покончивший жизнь самоубийством, то ли из ревности к этой Олечке, то ли по другим причинам, потому что эпидемия самоубийств становилась страшным обыкновением.

Но суд А. Ахматовой над эпохой, своими современниками и над собой очень даже отличается от того революционного суда, который тогда вершился. Суд этот менее всего можно рассматривать с точки зрения торжества «социальной справедливости». Ведь у поэта иной суд, ибо дело его «совершенно несоизмеримо с порядком внешнего мира», о чём писал А. Блок в завещательной статье «О назначении поэта»: «Дело его – внутреннее – культура, – это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже Бога». А потому «Поэма без героя» о том, что духовное разложение образованной части общества, как ныне говорят – «элиты», или тех, кто незаслуженно находится в этом статусе, неизбежно приводит к разложению народа и катастрофе крушения страны.

«Поэма без героя» в своей сюжетной основе не столь уж сложна. Другое дело, что не столь проста для постижения её духовно-мировоззренческая основа. Между тем она очень важна как для понимания людей начала XX века, так злободневна и сегодня. Об этом писала в предисловии к поэме сама А. Ахматова: «Кто-то советует сделать мне поэму более понятной. Я воздержусь от этого. Никаких третьих, седьмых и двадцать девятым смыслов поэма не содержит».

Сам биографический характер «Поэмы без героя», то, что она «создавалась на твёрдой фактической основе, она почти документальна» (Н. Банников), побуждает рассматривать её с точки зрения прототипов как конечной цели её исследования и постижения: кого и как изобразила А. Ахматова, кто есть кто в поэме. Но такой подход, создавая все внешние признаки вроде бы научности, не касается главного – её духовно-мировоззренческой основы. Является, по сути, позитивистским. Такое пристрастие к прототипам перекрывает путь постижения духовного смысла творения. Неслучайно он был столь распространён в литературоведении в советский период истории. К тому же персонажи поэмы, реальные люди, легко узнаваемы, чего автор и не скрывала. Но не они нас интересуют в первую очередь, а то, почему А. Ахматова подвергла столь радикальному пересмотру и переоценке период своей молодости. В этом кроется основной смысл поэмы, а вовсе не в том, насколько её персонажи соответствуют прототипам. А потому всякая «расшифровка» персонажей поэмы является имитацией литературного подхода к ней, не задевая её сути.

«Первое посвящение» – *Памяти Вс. К.* и «Второе посвящение» – О. А. Г.-С. – о реальных, конкретных людях – Всеволоде Князеве, поэте, «драгунском корнете», «драгунском Пьеро», покончившим жизнь самоубийством. И Ольге Глебовой-Судейкиной, «блиставшей» в тринадцатом году, «Путанице-Психее», которая была «похожая на куклу, с прелестной и какой-то кукольно-механической грацией танцует “полечку” – свой коронный номер» (Г. Иванов). Она эмигрировала в 1924 году и умерла в Париже. А перед отъездом оставила А. Ахматовой свой архив, стихи и письма к ней Всеволода Князева, что, как видно по посвящениям, и побудило её к написанию поэмы. Судьбы этих людей, видимо, предстали пред ней характерными для той эпохи. Как говаривали когда-то, типическими в типичных обстоятельствах.

Такой же прелестной и беспечной она предстаёт и в «Поэме без героя». Но уже с беспощадной её характеристикой, теперь «козью пляшет чечётку»:

Всех наряднее и всех выше, / Хоть не видит она и не слышит.
... Как копытца, топчут сапожки, / Как бубенчик, звенят серёжки,
В бледных локонах злые рожки, / Окаянной пляской пьяна...

Но вместе с тем автор признавала, что «Ты – один из моих двойников», «Не тебя, а себя казню». И главное даёт ей, и такому типу женщин вообще беспощадное, но точное определение:

Ты в Россию пришла ниоткуда, / О моё белокурое чудо,
Коломбина десятых годов.

«Ниоткуда», то есть никак не связана с той российской жизнью, в которой она «блистала». Что и стало причиной её трагедии. Так же, как в стихотворении А. Блока «Снежная Дева» 1907 года, с точной биографией этой «ночной дочери»:

Она пришла из дикой дали – / Ночная дочь иных времён.
Её родные не встречали, / Не просиял ей небосклон.

...Всё снится ей ночной Египет / Сквозь тусклый северный туман.

По сути, так же как и в «Египетских ночах» А. Пушкина, где указание на «царицу царей», на Египет было определением блудницы.

Полным воплощением «петербургской чертовни», сатанизма, «содомского смертоносного сока» предстаёт в «Поэме без героя» поэт Михаил Кузьмин.

Хвост запрятав под фалды фрака...
Как он хром и изящен...
Однако,
Я надеюсь, Владыку Мрака
Вы не смели сюда привести?
Маска это, череп, лицо ли –
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя мог передать.
Общий баловень и насмешник,
Перед ним самый смрадный грешник
Воплощённая благодать...

Даже при такой убийственной характеристике поэта А. Ахматова соблюдает понятную деликатность. Поэту Евгению Рейну она говорила: «Я ведь очень хорошо помню, какое замечательное предисловие Кузьмин написал к моей первой книге. И всё-таки... Знаете ли, он иногда любил делать зло только из одного любопытства посмотреть, что из этого получится. Много за ним греха» (Литературная газета. 2016. № 9).

Даже свидетельствовала, что он, «вероятно, родился в рубашке», что он один из тех, кому всё можно. «Я сейчас не буду перечислять, что было можно ему, но, если бы я это сделала, у современного читателя волосы бы стали дыбом».

И в «Поэме без героя», и в прямых высказываниях А. Ахматова расценивала гомосексуализм, содомство поэта, впрочем, как и предельную распущенность его, однозначно отрицательно. Ведь он был из той незваной арлекинады, о которой она сказала в поэме: «И не им со мной по пути». Тем удивительнее годы и годы спустя, уже в наше время, когда очередная «арлекинада» девяностых годов, кажется, идёт на убыль, увидеть в М. Кузьмине «феномен этого ни на кого не похожего человека... нащёптывающего под аккомпанемент рояля или гитары свои “стишки”, не стыдящегося своих гомосексуальных романов, без труда проговаривающего невозможные откровенности, зовущие жить легко и празднично» (Александр Панфилов. С мечтою о голубом цветке // Литературная газета. 2022. № 41). Хотя филологу пристало говорить прежде всего о поэзии М. Кузьмина, скажем, о том, что «с птичьего полёта он ни на что не взглянул» (Г. Адамович), а не впадать в оправдание гомосексуализма, для поэзии якобы благотворного. Примечательна аргументация филолога для этого. Он ссылается на Г. Чулкова, известного всему Петербургу ловеласа. Дескать, совмещение в поэме несовместимого «не было механической смесью, а органическим единством... всё это было в Кузьмине чем-то внутренне оправданным и гармоничным». Но Г. Чулков сам принадлежал к той «арлекинаде». Это А. Ахматова помнила крепко из своей литературной молодости, если многие годы спустя по просьбе П. Лукницкого назвала его в своём «донжуанском списке», в числе мужчин, с которыми она была близка. Помнила потом всю жизнь Г. Чулкова и Л. Д. Менделеева, жена А. Блока, так сказать, «друга» поэта... Но коль находится оправдание такого, – это дела уже не далёкого «тринадцатого года», а нашего девяносто первого, с такой же арлекинадой. Это и называется множить безобразия и уродства... Между тем, как брошенное А. Ахматовой вроде мимоходом о Кузьмине, что он «вероятно, родился в рубашке», является вовсе не оправданием, наоборот, точной характеристикой его, которая имеет глубокие корни в русском самосознании. Тем самым она называет известное поверье, отразившееся в летописях и в «Слове о полку Игореве» о Полоцком князе Всеславе, олицетворявшем не христианское, а «языческое» понимание мира. В тексте древнерусской поэмы прямо говорится о том, что он уклонялся от Суда Божия, о чём вещий Боян пел ему припевку: «Ни хытру, ни горазду...

Суда Божия не минути». Всеслав родился от волхования и в рубашке, о чём в «Повести временных лет» под 1044 годом есть поразительное поверье». «В то же время умер Брючислав Изяславович, внук Владимира, отец Всеслава, и сел на столе сын его Всеслав, которого мать родила от волхования. Когда мать родила его, у него на голове была кожица. Волхвы же сказали матери его: “Эту кожицу навяжи на него, пусть носит её до конца дней своих”. И носит её на себе Всеслав и до сего дня; потому и не милостив на кровопролитие».

Так что выражение «родиться в рубашке» означает вовсе не неуязвимость, как порой полагают, а имеет совсем другой смысл. И конечно же, не случайно А. Ахматова употребляла это выражение, говоря о М. Кузьмине.

Таков был «дух эпохи» в образованной части общества, о чём писал В. Ходасевич: «Жили в неистовом напряжении, в вечном возбуждении, в обострённости, в лихорадке... были сложнее запутаны в общую сеть любовей и ненавистей, личных и литературных... Можно было прославить и Бога и Дьявола» (Некрополь. Париж, 1939). «Что это была за жизнь? – задавался вопросом Г. Адамович. – Были ли это годы высокого напряжения человеческого духа? Оставят ли они какой-то след в искусстве? Не думаю. Но была в эти годы особая сладость жизни, какое-то смутное предчувствие близких бед и крушений. Оттого все торопились жить, все были ветрены и романтичны». Поэты видели своё призвание в том, чтобы «Проплясать перед Ковчегом Завета или сгинуть!..», как в поэме А. Ахматовой. Или как у Ф. Сологуба: «И верен я, Отец мой дьявол»: «Тёмная земная душа человека пламенеет сладкими и горькими восторгами... И добро, и зло, и Бог, и дьявол – только равноценные формы сладких и горьких восторгов, пламенеющих в душе». Для литературной среды это было особенно характерно. В дневнике 17 октября 1911 года А. Блок отмечал: «Происходит окончательное разложение литерат. среды. Уже смердит».

Людям последующих времён трудно понять, как складывался такой «дух эпохи». Признавалась же Э. Герштейн, что «не понимает тогдашних любовных отношений», что эпоха А. Пушкина была в этом отношении намного понятней. Этот «дух эпохи» можно было осознать, что видно по стихам А. Ахматовой того времени, но из него невозможно было выйти. А тот предупреждающий гул был еле слышен:

И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Непонятный таился гул...
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души,
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи,
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек...

Главным содержанием «духа эпохи» стала утрата веры, и как следствие этого – утрата высшего смысла существования. Наступает прямо-таки эпидемия самоубийств, что отмечал А. Блок в дневнике 1911 года: «Последние дни – учащение самоубийств, – молодёжь, гимназисты». И размышляет об этом страшном поветрии в дневнике 1912 года, в связи с тем что стали собирать мнения писателей о самоубийствах: «Собирают мнения писателей о самоубийцах. Эти мнения будут читать люди, которые несколько не собираются кончать жизнь. <...> В самом деле, почему живые интересуются кончающими с жизнью? Большею частью по причинам низменным (любопытство, стремление потешить свою праздность, удовольствие от того, что у других ещё хуже, чем у тебя, и т. п.). В большинстве случаев люди живут настоящим, т. е. ничем не живут, а так – существуют. Жить можно только будущим. Те же немногие, которые живут, т. е. смотрят в будущее, знают, что десятки видимых причин, заставляющих людей уходить из жизни, ничего до конца не объясняют; за всеми этими причинами стоит одна, большинству живых не видная, непонятная и неинтересная. Если я скажу, что думаю, т. е. что причину эту можно прочесть в зорях вечерних и утренних, то меня поймут только мои собраты, а также иные из тех, кто уже держит револьвер в руке или затягивает петлю на шее; а “деловые люди” только лишний раз посмеются; но всё-таки я хочу сказать, что самоубийств было бы меньше, если бы люди научились лучше читать небесные знаки».

Реальный персонаж «Поэмы без героя» Всеволод Князев заканчивает жизнь самоубийством по причине ревности, неразделённой любви, на пороге возлюбленной: «Он на твой порог! Поперёк». И здесь Анна Ахматова отступает от биографической точности. Переживший роман с М. Кузьминым, Вс. Князев покончил жизнь самоубийством в Риге и по неизвестным причинам... Драгунский корнет погибает «Не в проклятых Мазурских болотах, / Не на синих Карпатских высотах», где он как человек военный мог скорее погибнуть, а «с бессмысленной смертью в груди». Получился частный несчастный случай, а не общее неблагоприятное обстоятельство утраты смысла жизни. Кто знает, почему она приглушила в поэме духовную и социальную остроту этой трагедии. Может быть, она, столь беспощадно судившая себя, «Уже судимая не по земным законам», помнила всё-таки подобные трагедии и в своей жизни...

Сюжет «Поэмы без героя», собственно, заканчивается в «Части первой». В «Части второй», помеченной как «интермеццо», представляется уже другой, вроде бы самостоятельный сюжет. Неслучайно она называется «Решка», то есть обратная сторона того, что было в первой части. Во второй части автором постигается и изображается, как живёт далее то, что изображено в первой части, так как оно не является лишь прошлым и «историей»... Да уже и в первой части, когда к автору явилась неожиданная арлекинада, рядом, «Через площадку», не в прошлом, а в настоящем происходило то же самое. Об этом говорится во вставке «Интермедия»:

Санчо Пансо и Дон Кихоты, / И, увы, содомские Лоты
Смертоносный пробуют сок. / Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены, / И безумья близится срок.
И опять из фонтанного грота, / Через призрачные ворота
И мохнатый и рыжий кто-то / Козлоногую приволок.

«И опять...», как и в тринадцатом году... Во второй части поэмы А. Ахматова уже со всей определённою говорит о том, что эта тёмная сторона жизни, как и зло в этом мире, неустранимы. Поэтому и невозможно «отбиться от рухляди пёстрой». Злу следует ставить преграды каждому человеку в каждую эпоху. И как видно из второй части, «Поэма без героя» является её попыткой преодоления зла, «разделаться с бесноватой», чего никак не может понять «редактор», человек новой позитивистской эпохи:

«...Кто, когда и зачем встречался, / Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, — / И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте / И каких-то призраков рой?»

Автор убеждает «редактора» и читателей в том, что «призраков рой» существует всегда. И не их наличием определяется жизнь, «дух эпохи», а тем, какую духовную силу мы им можем противопоставить:

И сама я была не рада, / Этой адской арлекинады
Издалёка слышав вой. / Всё надеялась я, что мимо
Пронесётся, как хлопя дыма, / Сквозь таинственный сумрак хвой.

Не отбиться от рухляди пёстрой.
Это старый чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана...

Автор даже говорит, что она тут «ни при чём», потому что «столетняя чаровница / Вдруг очнулась и веселиться / Захотела. / Я ни при чём». Она была «при чём» в тринадцатом году, в чём сама признавалась, беспощадно казня себя, пытаясь «разделаться с бесноватой» и преодолеть «безумья срок».

...Я пила её в капле каждой
И, бесовскою чёрной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой...

«Поэма без героя» Анны Ахматовой и стала её творческим подвигом преодоления духовного разложения образованной части общества, за которым неизбежно приходит крушение страны...